

ЕГОР СЕРГЕЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ

УДК 281.2

лаборант-исследователь,
 Санкт-Петербургский государственный университет,
 Институт истории (Университетская наб., 7/9,
 Санкт-Петербург, Россия, 199034)
st077180@student.spbu.ru

***ПРИТЧА О БОГАТОМ ЮНОШЕ И ХРИСТЕ:
 БЫТОВАНИЕ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ***

В статье рассматривается евангельская притча о богатом юноше и Христе. Отдельное внимание уделяется тому, как притча представлена в самих евангельских текстах (от Матфея, Марка и Луки) — какие есть общие места и какие отличия: как артикулируется собеседник Христа, что ему должно сделать для попадания в Небесное царство, мешает ли этому богатство или нет? Различия в интерпретациях этого сюжета, как представляется, определили дальнейшие линии дискуссий о материальном состоянии членов христианских общин, о допустимом или недопустимом поведении. В тексте анализируется, как апологеты I–III вв. н.э. (например, Татиан, Климент Александрийский, Ориген, Киприан Карфагенский и др.) обращались к этому материалу. Особое внимание уделяется тому, как различные контексты, в которых существовали апологеты, определяли их интерпретацию, их цели и задачи. Мы также постарались выделить интеллектуальные традиции, сложившиеся вокруг осмысления богатства/бедности, проследить идейную преемственность внутри них, показать их взаимосвязь с другими вопросами раннехристианской мысли (например, о природе души).

Ключевые слова: притча о богатом юноше, раннее христианство, бедность, богатство, Татиан, Климент Александрийский, Ориген, Киприан Карфагенский

EGOR SERGEEVICH LEONTIEV

Research Assistant, Saint Petersburg State University,
 Institute of History (7/9 Universitetskaya emb.,
 Saint Petersburg, Russia, 199034)
st077180@student.spbu.ru

***PARABLE OF THE YOUNG RICH MAN AND CHRIST:
 THE USE IN THE EARLY CHRISTIAN TRADITION***

The article examines the gospel parable about the rich young man and Christ. Special attention is paid to how the parable is presented in the gospel texts themselves (from Matthew, Mark and Luke) — what are the common places and what are the differences: how is the interlocutor of Christ articulated, what should he do to get into the Kingdom of Heaven, wealth prevents this or not? The differences in interpretations of this story seem to have determined further lines of discussion about financial status of members of Christian communities, about acceptable and unacceptable behavior. The text analyzes how the apologists of the 1–3rd centuries AD (for example, Tatian, Clement of Alexandria, Origen, Cyprian of Carthage, etc.) refer to this material. Special attention is paid to how the various contexts in which the apologists existed determined their interpretation, their goals and objectives. We also tried to highlight the intellectual traditions that have developed around the understanding of wealth/poverty, to trace the ideological continuity within them and to show their relationship with other issues of early Christian thought (for example, about the nature of the soul).

Key words: parable of the young rich man, early Christianity, poverty, wealth, Tatian, Clement of Alexandria, Origen, Cyprian

Новозаветный сюжет о Христе и богатом юноше, вопрошающем о пути к спасению, встречается в трех синоптических Евангелиях — от Матфея, Марка и Луки. Вне зависимости от его последующих интерпретаций сам сюжет содержательно различен в этих текстах. Сам субъект диалога артикулируется евангелистами не вполне одинаково. Собственно юношей собеседник Иисуса представлен лишь у Матфея (Мф 19:16), в то время как у Марка он просто «некто» (Мк 10:17), а у Луки — «некто из начальствующих» (Лк 18:18). В первом Евангелии Христос, среди прочего, говорит юноше о необходимости возлюбить ближнего своего, как самого себя (Мф 19:18), что отсутствует у Марка и Луки. Более того, Иисус прямо подчеркивает, что юноша должен раздать имущество, «если хочет быть совершенным» (Мф 19:21). Наконец, обращаясь к апостолам, Христос обнадеживает их наградой в виде престолов для суда над коленами Израилевыми, которые те должны получить за отказ от прежнего имущества и следование за Богом (Мф 19:28). У Марка вопрошающий Иисуса «некто» падает перед ним на колени (Мк 10:17). Во втором Евангелии Христос приводит уникальную заповедь «не обижай» (Мк 10:19), а также постулирует необходимость не только раздать имущество, но и взять крест (Мк 10:21). Помимо всего прочего, евангелист указывает, что собеседник полюбился Иисусу (Мк 10:21). Но самой существенной особенностью видится фраза Иисуса: «как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие!» (Мк 10:24), в то время как у Матфея и Луки нет ни слова о надеющихся на богатство — постулируется трудность попадания в рай богачей как таковых (Мф 19:24; Лк 18:25), а не тех, кто полагается на земное состояние. Что касается Луки, то здесь, кроме обозначения собеседника «начальствующим», можно выделить разве что отсутствие завершающей фразы о том, что первые будут последними, а последние — первыми (Мф 19:30; Мк 10:31). Представляется, что указанные различия в евангельских текстах повлияли и на риторику раннехристианских апологетов, которые весьма своеобразно интерпретировали диалог Иисуса с состоятельным человеком.

Крайне любопытным выбором оптики видится компиляция рассматриваемого сюжета Татианом в его Диатессароне. Единый текст, составленный во II в. на основе Евангелий, содержит историю об Иисусе и его состоятельном собеседнике в следующем виде: вопрошающий назван «юношей из начальствующих»; он падает перед Христом на колени; Иисус среди заповедей называет «не обижай» и «возлюби ближнего своего, как самого себя»; юноша нравится Иисусу; Христос советует ему взять крест, а ученикам Он обещает всё, что упоминает хотя бы один евангелист¹. Как видно, нарратив в данном случае соединяет детали каждого синоптического Евангелия, перекрывая их пробелы. Татиан проводит сложение: применительно к данному сюжету апологет включает в итоговый текст пассажи, которые содержатся хотя бы в одном синоптическом Евангелии или в нескольких сразу. Примечательно, что в Диатессароне Иисус говорит как о тяжести попадания в рай для богатых в принципе, так и для тех, кто надеется на богатство. Это меняет возможности для интерпретации сюжета, поскольку текст евангельской гармонии контекстуально и содержательно представляет собой больше, чем просто сумму разных Евангелий — оптика Марка отлична от оптики Матфея, а в сумме они представляют собой не оптику Марка и Матфея одновременно, но совершенно новую оптику. В этом холистическом смысле справедливо заключить, что Татиан создает свое Евангелие. Исходя из оригинальной компиляции Татиана, любопытно проследить его отношение к бедности и богатству.

В своей «Речи против эллинов» апологет постулирует пагубность бессонных ночей из-за сребролюбия, а также эсхатологическую иррелевантность земных богатств. Татиан заявляет, что бедные достигают своих целей проще богатых, а также пользуются их же посевам. Он лаконично заключает: «Богачи умирают, такой же исход жизни имеют и нищие» (Tatian. Or., 11). Здесь мы можем проследить очевидную симпатию к беднякам, хотя богатство артикулируется не как «красный свет» в Царство Небесное, а как бессмысленное и отягчающее бре-

¹ The Diatessaron of Tatian / Transl. by H. W. Hogg. Sec. 28:42.

мя. Апологет ассоциирует богатства с негативными характеристиками — жадностью, честолюбием, праздностью (Tatian. Or., 11; 23). Тем не менее, акцент делается на внимании, уделяемом богатству, а не на нем *per se* (по крайней мере в своей «Речи») — здесь оптика компилятора Евангелий все-таки сводится к Марку. Представляется, что подобная позиция Татиана может быть объяснена его стоическим бэкграундом и склонностью к оправданию аскетизма. Стоическое понимание бедности и богатства как категорий, irrelevantных для добродетели², отчасти перекликается с аргументацией автора, хотя налицо его снисходительная симпатия к беднякам. Заметно, что в данном случае христианский апологет старается уйти от прямого порицания богатства как преграды в рай, вероятно, из желания зацепиться за привычные образованному эллину представления о материальном состоянии, дабы донести до него преимущества учения Иисуса (и в данном случае мы отмечаем более инклюзивную позицию). Здесь Татиан продолжает традицию своего учителя Юстина Философа, у которого мы также находим порицание человеческого стремления к богатству (а, опять же, не богатства как такового)³. Тем не менее, в хронологически более позднем Диатессароне апологет занимает значительное более ригористское отношение к богатству, что, вероятно, может объясняться общим аскетическим настроением позднего Татиана.

Наиболее эксплицитно сюжет с Христом и богатым юношей рассмотрен у Климента Александрийского, который обращается к нему в контексте ревизии христианского взгляда на богатство. В своей проповеди «Кто из богатых спасется» апологет II в. обращается к состоятельным жителям Александрии Египетской из числа христиан, пытаясь обнадежить их возможностью спасения даже с учетом их высокого материального достатка⁴. Во второй главе работы он обращается

² Armitage D. J. Theories of Poverty in the World of the New Testament. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016. P. 194.

³ «Прежде мы более всего заботились о снискании богатства и имени, ныне и то, что имеем, вносим в общество и делимся со всяким нуждающимся» (Just. 1 Apol. 14).

⁴ Пантелеев А. Д. Климент Александрийский и его проповедь «Кто из богатых спасется» // История: Электронный научно-образовательный журнал.

к двум высказываниям Христа: притче о верблюде с игольным ушком и фразе «невозможное для людей возможно для Бога» (Quis div., 2). Климент открыто критикует буквалистское восприятие притчи, сводящееся к невозможности попадания в Царство Божие для состоятельного человека. Более того, апологет, в сущности, указывает на греховность такого подхода, ведь он приводит к отчаянию, унынию и дальнейшему обращению человека к жизни лишь «по эту сторону гроба» (Quis div. 2). Климент, подчеркивая возможность Бога спасти всех, кого Тот пожелает, призывает читателя обратить внимание на богатых адресатов посланий Христа — это не просто состоятельные люди, но те, кто заинтересован в спасении. Аналогичным образом апологет, отчасти подражая Иисусу, упоминает, что его забота и, как следствие, текст направлены на богатых, которым «известны и могущество Спасителя, и явленное Им спасение» (Quis div., 2).

В четвертой главе Климент полностью пересказывает сюжет о Христе и богаче, опираясь на текст Евангелия от Марка (Quis div., 4). Далее апологет отмечает возможность различной оптики этой истории в синоптических Евангелиях, списывая различия лишь на подбор слов, не влияющих на тождественность посылки в каждом из текстов (Quis div., 5). Любопытно, однако, что, несмотря на такую постулируемую апологетом синонимичность, Климент все-таки предпочитает цитировать именно Марка. Представляется, что этот выбор неслучаен и апологет сознательно останавливается на Евангелии, содержание которого наиболее полно отвечает аргументации самого Климента. Именно у Марка мы наблюдаем акцент, смещенный в сторону «надеющихся на богатство», а не просто богачей. Более того, Климент выделяет евангельский пассаж о том, что вопрошающий полюбился Иисусу, что прослеживается исключительно у Марка.

Промежуточный итог апологет подводит в четырнадцатой главе проповеди: «Оттого отрешаться должно не столько от богатства, сколько душу от страстей освободить: эти

2023. Т. 14. Вып. 2 (124) // URL: <https://history.jes.su/s207987840024678-4-1/>. DOI: 10.18254/S207987840024678-4.

затрудняют собой правильное пользование богатством» (Quis div., 14). Строго говоря, аргументацию Климента можно свести к следующему силлогизму: если христианин не подчинен богатству и идущим от него страстям⁵, то он сможет правильно распорядиться материальным состоянием и вовсе не обязан полностью от него отказываться. Налицо примиренческая позиция апологета — он стремится объединить общину по принципу верности Христу, артикулируя земное благополучие в качестве вторичного фактора, сущностно не препятствующего спасению.

Аргументация Климента лежит в том числе в киникостойческой или даже платонической плоскости⁶, поскольку апологет умудряется сочетать иррелевантность богатства во спасение с его пользой для помощи общине и, как следствие, верности Христу, которое и обуславливает спасение. С формальной точки зрения мы наблюдаем логическую ошибку. Богатство может быть либо релевантным для спасения, либо нет. Климент открыто выбирает первую опцию, однако из его рекомендации по распоряжению богатством имплицитно следует вторая. Вероятно, подобная противоречивость риторики вызвана двумя факторами: желанием не отходить от присущей христианству критики богатства, при этом не исключая богатых последователей Иисуса из общины и давая им возможность спасения значительно более широкую, чем игольное ушко. Более ригористская позиция могла ударить по материальному положению христианской общины (например, сузить масштаб благотворительности) и тем самым снизить эффективность миссионерской деятельности.

Ориген — ученик Климента в Александрии — развил рассуждения о богатстве еще дальше. В своем «Увещании к мученичеству» он заявил, что богатые из мучеников заслуживают

⁵ Причем критика подчиненности человека (будь то римлянина, еврея или христианина) страстям (например, сексуальным или связанным с роскошью и изнеженностью) была широко представлена в дискурсах рассматриваемого периода. Подобного рода аргументация была знакома для аудитории Климента. Satlow M. I. Rhetoric and Assumptions: Romans and Rabbis on Sex // Jews in a Graeco-Roman World. Oxford, 1998. P. 138–144.

⁶ Armitage D. J. Theories of Poverty in the World of the New Testament. P. 196.

предпочтения пред бедными, потому что, отрекаясь от земных благ, они доказали тем большую любовь к Богу (Mart. 7). Здесь апологет проводит градацию спасения, выделяя богатых христиан, отрекшихся от земных благ, на фоне их бедных единоверцев. И в данном случае это заключение вполне логично вытекает из постулатов Климента: тот, кто сумел обуздать собственные страсти (в данном случае, идущие от богатства), тот заслуживает большего уважения и авторитета. На первый взгляд может показаться, что Ориген симпатизирует богачам даже сильнее Климента, однако содержательно подход Оригена в некотором смысле консервативнее предшественника.

Апологет не оправдывает богатство, не пытается найти в нем плюсы, а однозначно постулирует необходимость отказа от материальных благ, а не просто духовной привязанности к ним (в работе «Против Цельса» мы найдем у Оригена огромное количество примеров того, как бедняки-христиане оказываются добродетельнее, мужественнее и т. д., чем подчиненные роскоши и разврату богачи)⁷. В этом смысле богатство порицается Оригеном гораздо основательнее, чем у Климента, причем необходимость отказа от него артикулируется недвусмысленно, что более всего перекликается с нарративом Евангелия от Луки. Хотя мы не находим у апологета прямого цитирования сюжета о богатом юноше, налицо заочная полемика с Климентом и его примирительной позицией по отношению к богатству. Иронично, что Ориген пытаясь перекрыть аргументацию Климента превозносит богачей еще выше, но лишь при условии раздачи ими своего состояния.

На фоне перечисленных апологетов заметно выделяется Киприан Карфагенский, обратившийся к истории о Христе и богаче в своей книге «О падших». Здесь он цитирует сюжет по Матфею, аргументируя необходимость отречься от любви к «наследственному достоянию». Киприан сравнивает богатство с путями, которые сковывают христиан, не дают им освободиться и, в конце концов, приводят к подавлению веры с окончательным падением. В письме к Донату Киприан пря-

⁷ Леонтьев Е. С. «Бедность» как «варварство» в работе Оригена «Contra Celsum» // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2022. Вып. 22 (1–2). С. 223–229.

мо отказывает в жизнеспособности той концепции, которую предлагает Климент. Так, он пишет, что человек привыкший к роскоши и к богатству, никогда не сможет перейти к умеренности и кротости (Сург. Дон). Апологет весьма однозначно заявляет, что мир не мог бы победить того, у кого ничего не было бы в мире. Достаточно эксплицитная и даже физическая аналогия богатства с оковами, как представляется, буквально пересказывает содержание синоптических Евангелий, особенно от Матфея и Луки, без далеко идущих выводов прикладного характера. Киприан дает незатейливую аргументацию для простой мысли: богатство мешает следованию за Господом. В отличие от Оригена, он не подкрепляет этот тезис градацией спасшихся, а лишь проговаривает евангельскую притчу своими словами. Справедливо связать такой подход Киприана с его кредо — борьбой за церковную иерархию и против внутридоктринальных расхождений, что создавало необходимость осторожно обращаться с вольной трактовкой Нового Завета. Кроме того, подобная точка зрения, вероятно, может обуславливаться строгой позицией Тертуллиана — учителя Киприана — по вопросу бедности/богатства⁸. Так, апологет во многом ассоциирует материальное благополучие с язычеством (Tert. Idol., 18). А кроме того, прямо не ссылаясь на сюжет о богатом юноше, Тертуллиан, тем не менее, указывает, что христианину подобает продать всё имущество и раздать его нищим (Tert. Idol., 12). Также важно отметить разное отношение упомянутых авторов о природе души. Так, Киприан и Тертуллиан признают ее материальность и физиологичность, в то время как Ориген и Климент утверждают, что душа бестелесна⁹. Как представляется, утверждение о бестелесно-

⁸ См. более подробно: Каргальцев А. В. Терминология богатства и бедности в трактатах Тертуллиана // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. Вып. 27 (1). С. 520–528. В этом отношении стоит отметить вышеупомянутое письмо к Донату, написанное под сильным влиянием Тертуллиана.

⁹ Там же. С. 522. Позиция Татиана по этому вопросу довольно необычна — у него присутствует «Дух Божий» и «материальный Дух». Однако в этом случае, он поясняет, что последний находится «ниже» первого: «Дух, проникающий материю, ниже божественного Духа; и так как он уподобляется душе, не достоин почести одинаковой с совершенным Богом»

сти души более располагает к лояльному отношению к богатству, нежели позиция Киприана и Тертуллиана.

Подводя итоги, отметим, что новозаветный сюжет о Христе и богатом юноше, различный в самих синоптических Евангелиях, несколько раз становился аргументом в трудах христианских апологетов II–III вв. Татиан отказывается от лобовой атаки на богатство, артикулируя его в качестве бесполезного бремени, которое не стоит потраченного на него внимания, ведь бедных и состоятельных всё равно ждет один конец. Апологет, объединивший в единый текст все четыре Евангелия, выбирает здесь оптику, более близкую к Марку: пагубность внимания к богатству. Само же богатство не маркируется как нечто негативное само по себе — оно, например, пригодно для заботы о членах христианской общины. Точно так же оптику Марка мобилизует Климент Александрийский, проводя явную дихотомию между самим богатством, которое может быть полезным, и одержимостью им. Сюжету об Иисусе и богаче он посвящает целую проповедь, пытаясь примирить новозаветную критику богатства с существованием в Александрии заметного и влиятельного слоя состоятельных христиан. С рассуждением Климента контрастирует логика Оригена. С одной стороны, он возводит спасшихся богачей на ступень выше бедняков, с другой — отказывает им в возможности сохранить свое состояние. Наконец, наименьшее число логических операций совершает Киприан Карфагенский, куце заявляющий, что богатство — оковы, мешающие христианину следовать за Богом, а потому для попадания в Царство Небесное их нужно ликвидировать. Значительно более ригористская позиция Киприана и Тертуллиана, вероятно, определяется их учением о том, что душа материальна, чего нет у других апологетов.

Представляется, что Татиан и Климент исходили в первую очередь из инклюзивных мотивов: допустить в общину как можно большее число участников, чтобы не оставить их в языческом мире и не допустить отделения уже обратившихся бога-

(Tatian. Or. 4). Соответственно и в данном случае нет указания на полную материальность данной категории.

тых христиан. Что же касается Оригена и особенно Киприана, то здесь налицо попытка утвердить необходимость следовать определенной доктрине, несмотря на моральную и физическую тяжесть ее принятия. Любопытно, что первые два автора хронологически предшествуют последним двум, а потому можно экстраполировать их нарратив применительно к рассматриваемому сюжету на историю христианской церкви в целом: если сначала крупнейшие апологеты делают ставку на гибкость доктрины для конкуренции с язычниками (в том числе с использованием античной философии), то далее они всё более и более обращаются к проблеме монолитности христианского исповедания веры и важности следования его основным принципам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Каргальцев А. В. Терминология богатства и бедности в трактатах Тертуллиана // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. № 27(1). С. 520–528. [Kargaltsev A. V. Terminologija bogatstva i bednosti v traktatah Tertulliana [Terminology of poverty and wealth in Tertullian treatises] // Indoeuropejskoe jazykoznanie i klassičeskaja filologija. 2023. Vol. 27(1). P. 520–528].

2. Леонтьев Е. С. «Бедность» как «варварство» в работе Оригена «Contra Celsum» // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 22(1–2). 2022. С. 223–229. [Leont'ev E. S. «Bednost'» kak «varvarstvo» v rabote Origena «Contra Celsum» [«Poverty» as «barbarism» in Origen's work «Contra Celsum»] // Mnemon. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira. Vyp. 22 (1–2). 2022. S. 223–229].

3. Пантелеев А. Д. Бедность и богатство в раннехристианской традиции: от Нового Завета до начала III в. // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Вып. 2. СПб., 2022. С. 329–340. [Panteleev A. D. Bednost i bogatstvo v rannehristianskoj tradicii: ot Novogo Zaveta do nachala III v. [Poverty and Wealth in the Early Christian Tradition: from the New Testament to the Beginning of the Third century // Vizantija, Evropa, Rossija: social'nye praktiki i vzaimosvjaz duhovnyh tradicij. Arhiv konferencii 2. Saint-Petersburg, 2022. P. 329–340].

4. Пантелеев А. Д. Климент Александрийский и его проповедь «Кто из богатых спасется» // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2023. Т. 14. Вып. 2 (124). [Panteleev A. D.

Kliment Aleksandrijskij i ego propoved «Kto iz bogatyh spasetsja» [Clement of Alexandria and His Sermon «Who Is a Rich Man That Is Saved»] // Istorija: Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal. 2023. Vol. 14. N 2(124) // URL: <https://history.jes.su/s207987840024678-4-1/>].

5. Пантелеев А. Д. «Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая»: милостыня и спасение в раннехристианской традиции // История: Электронный научно-образовательный журнал. Т. 14. 2023. Вып. 5(127). [Panteleev A. D. «Pust' levaja ruka tvoja ne znaet, chto delaet pravaja»: milostynja i spasenie v rannehristianskoj tradicii [«When You Give Alms, Do Not Let Your Left Hand Know What Your Right Hand Is Doing»: Alms and Salvation in the Early Christian Tradition] // Istorija: Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal. 2023. Vol. 14. N 5(127) // URL: <https://history.jes.su/s207987840026776-2-1/>].

6. Armitage D. J. Theories of Poverty in the World of the New Testament. Tübingen, 2016.

7. Brown P. Treasure in Heaven. The Holy Poor in Early Christianity. Charlottesville, London, 2016.

8. Rhee H. Loving the Poor, Saving the Rich: Wealth, Poverty, and Early Christian Formation. Grand Rapids, 2012.

9. Satlow M. I. Rhetoric and Assumptions: Romans and Rabbis on Sex // Jews in a Graeco-Roman World. Oxford, 1998. P. 138–144.